

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / *Амазонки нашего аула*

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

ПРЕДАТЕЛЬ

То был год окончания Асылбеком седьмого класса. Тогда вся страна подпала под приватизацию. Торопливо распустили совхоз, и отец его, Дюсен, в надежде на пай, поплёлся в контору. Вечером вернулся с лошадьё на поводу. А когда такое проходит мимо соседей и местных свидетелей?

— Чудной этот капитализм-то — посадить простого киномеханика верхом на вороного жеребца, — посмеивались они, почёсывая по-над печенью. — Ладно, поживём, увидим!

Не было предела и возмущению его матери Даметкен, работающей техничкой в школе:

— И это награда за то, что ты денно и ночью мотаешься, ставишь людям кино? Осталось только на жеребце по окрестностям скакать. Ой-ёй! Да не вздумай его кастрировать! Глядишь, кто кобылу нестельную пригонит, хоть на чем-то заработаем. И бери, что дадут, чего теперь стесняться?!

Но неужто капитализм свернет с прямого пути по причине бабьего бунта? Да и что мог сказать безропотный Дюсен, у которого и в роду-то не было ни революционеров, ни командиров.

Отец в свою бытность зарабатывал на жизнь кузнецом. Вся жизнь опаленного, худого — кожа да кости, — жилистого старика прошла в обычной лачужке на краю аула. Вытащит, бывало, из огня раскалённый докрасна кусок железа, помнёт его как тесто, потянет как сыромять, придаст конфигурацию и в холодную, клокочущую воду. Казаны с прохудившимся дном, самовары без кранов, серпы и ножницы для стрижки овец — вся хозяйственная утварь прошла через его руки. Вечная память! Бесхитростный человек. Милость ко всему побитому и покорёженному искал у огня и кузнечного меха.

Может, Асылбек вырос просто мечтателем, насмотревшись бесплатного кино? Как бы там ни было, почти с пеленок увлёкся радио. Да и причина была. Даметкен по утрам и вечерам мыла полы, единственное дитя оставлять не на кого — вот и включала вместо няньки радио. Оно заговорит — он насупится, запоёт — шейкой своей тоненькой вертит. В ладошки хлопает. И так день за днём.

В пятом классе пришёл и заявил, что записался в кружок радиолюбителей. Его главное развлечение. Разберёт дотла приёмник и начинает над ним колдовать. Затем соединит меж собой изящные, как волос, проводки и заставит молчуна на радость всем заиграть.

— Торей сынок, набирайся мастерства! — одобряет Дюсен.

— Что-то мы не заметили, как ты сам, гоня кино, сильно поднаторел, — раздражается Даметкен.

Даметкен это не всерьёз. Про себя спит и видит, когда же её единственное чадо вырастет, приведёт домой невестку из состоятельной семьи и станет большим начальником, — тогда и мы, думает, пожи-

вём. Но ни сном ни духом не могла она вообразить, что её фантазия может вмиг испариться, точно огонь, залитый водой. Иначе как понимать случившееся, о чём рассказать и язык не поворачивается?

Вчера вроде призвали в армию. А теперь из воинской части шлют телеграммы, одну за другой, вызывают родителей. Пришлось тащиться с торбой, забираться в поезд, трястись. Но коли душа не на месте, то какой поезд за ней, за душой, поспеет?

— Говорят, в армии дисциплина сегодня неважная. Хорошо бы ещё на беду какую ни нарвался, — рассуждал вслух грустный Дюсен.

— Чтоб тебе в рот змея снесла яйца! Сказать: заметили нашего сына, хотя отправить его в дальние края учиться, — язык не поворачивается? — сердилась Даметкен, расстреливая мужа взглядом.

— Что поделаешь, мало случаев, когда вон стреляют друг в друга?

— Он в мамкин род пошёл, светик ненаглядный! Гляди ещё, «ать-двакать» будет перед нами, офицером станет, — улыбалась мать во весь рот.

Под невесёлые догадки прибыли, наконец, из Атырау в Кызыл-Орду.

Их встретили. Не дав оглядеться, повезли в воинскую часть. На широком плацу, среди бегающих взад и вперёд солдат, Асылбека видно не было. Все в одинаковой форме. Пока не присмотришься, то и на одно лицо. Немудрено и чужое чадо обслонявить.

— Полат Аленович, — представился хозяин кабинета размером с небольшой спортзал, когда они вошли. Кожаный офицерский ремень едва обхватывал его живот. — Я начальник вверенной мне воинской части.

— Мы родители Асылбека Айдарбаева, — ответили они почти хором. По лицу хозяина кабинета пробежала лёгкая ироническая улыбка. — Раз вызывали...

— Сын ваш взят под стражу, — сказал, выдержав паузу, начальник воинской части. — Отказался принимать присягу. Вот такие дела!

Мир перед глазами Даметкен поплыл колечками. У Дюсена перехватило горло, ноги ослабли, и ягодицы кое-как обнаружили деревянную скамью. «Ай, чувствовало сердце, что здесь что-то не так. У ребёнка склад другой. Сызмальства, — стоит ему чем-то заинтересоваться, — глаза заблестят и не успокоится, пока своего не добьётся. Что ни вечер — с отцом в кино. Придёт и начинает разбирать, какой артист, какую роль да как сыграл? Даже, едрит его в корень, отмечает: «Тот артист не смешно играет, а этот понарошку плачет...» Это ещё куда ни шло. Порой как спросит: «Пап, человеку лучше служить правде или служить неправде?..» Под стражей, говорите? О, бог ты мой, что за клятва? И что в ней такого, чтоб её не принять? Кто контролирует? Проверяет? В наши дни кто кому и какие только клятвы и обещания не даёт! Сейчас такие, кто ночью даёт обещание, а днём о нём не помнит, как раз у руля. Ноздри кверху, свысока глядят!..

Очнувшись, Дюсен увидел, что кабинет размером с небольшой спортзал заполнен офицерами. Как пугала в жалкой одежде, наброшенной на пустоту, сидели они с женой в их окружении — два узника печали — униженные и бессловесные. С разных сторон подозрительные взгляды. Не поймёшь: то ли жалеют, то ли презирают. Спустя время, в кабинет втокнули Асылбека. Был он у них среднего роста, задумчивым таким. Похудел и вытянулся.

— Светик ты мой глазастый!

— Копытце моё единственное!

— Не дали вы должного воспитания сыну, — объявил Полат Аленович, придавая густоту голосу. — Сверстники его — все как один приняли присягу на верность нашей любимой Родине. Только он упёрся: «Не моя это родина!» Спрашиваем, почему? — враждебно не отвечает. Или, может быть, вы его за границей где-нибудь родили?

— Пропади она пропадом, за граница эта! На кой нам! — кричала в голос Даметкен, сама не слыша себя.

— Дай клятву! Прямо сейчас дай! Да ослепнуть мне на месте, если я видел хоть одного человека, умершего от клятвы, — произнёс Дюсен возбужденно, нервничая. — Если всё дело в том, давайте, я дам?!

Разразился дружный смех и резко затих.

— Простите, но принять не могу! — сказал Асылбек, и глаза его заблестели как в детстве. — Больше сказать мне вам нечего!

— В таком случае посадят тебя. Вот тогда соловьём запоёшь! — категорично подытожил Полат Аленович, чей кожаный офицерский ремень едва обхватывал живот. — Уведите!

Два узника печали, убитые горем, причитая, вернулись в родной аул. Не прошло и месяца, как вслед за ними приползла и их дурная репутация. Говорили, что Асылбека будут судить в ауле. Дескать, военный трибунал рассматривает дело человека, не принявшего присягу, не уполномочен. И поскольку нынешняя молодёжь колобродит, то открытое заседание суда состоится на месте — дабы преподнести наглядный урок.

— Всё зло от твоего кино! Увлёк за собой и испортил ребёнка. Насмотрелся он распутной жизни всяких там артистов. Чего после этого ждать? — бухтела Даметкен за утренним чаем. Осунувшееся лицо её подёрнулось синью, под глазами появились мешки.

— По-моему, корень зла лежит в том радио, которым он увлёкся — сказал Дюсен, выводя своё заключение. — Да и что за ремесло? Скакать с места на место: одному сообщение передаст, от другого известие получит.

Не успели они договорить, как пожаловала соседка, вдова Кульпаш. Простодушная бедняжка, открытая. С момента их бесславного возвращения из Кзыл-Орды родственники, варившиеся в одном котле, и те перестали их порог переступать. Все вдруг стали ужасно заняты. Оговорок много: у одних овцы

теряются, у других — верблюдицы на сносях, а то и кобыла трудно жеребится. Немало и таких, кто, споткнувшись о собственный порог, чуть не свернул было себе спину, неходячих много из-за чирьев на самом неприглядном месте. А простуженных? А прострелами и коликами сколько?

— Проходи, на почётное место проходи, — искренне обрадовался Дюсен, суетясь вокруг Кульпаш. — Даметкен, освежи-ка нам чаю.

— Только что сцепилась с женой Кадыра! — заявила простодушная Кульпаш, присаживаясь. — Взбесила она меня, говорит что ни попадя.

— Что говорит?

— Да чушь несёт! Будто сын твой, Дюсен, заявил, что уедет из страны и шпионом станет. После такого бреда кто его пожалеет, вот, мол, и заперли. Оказывається, говорит, он и раньше с заграничной связью поддерживал по радио. Будут всю округу прочёсывать, вплоть до мышиной норки. Искать запрятанный аппарат. Найдут, — считай, пропали, и родителей загребут. Ждать не заставят: не сегодня завтра, говорит, заявятся.

— Эй, падшая, говорю, — прямо так и сказала, — эй, падшая женщина, ты сначала роди сына такого, как Асылбек! Говорю, твои тупоголовые болваны и подошв его недостойны. На английском свободно разговаривает. В политике разбирается, радиотехнику настраивает. Шпион, шпион... Тебя от этого, говорю, не убудет! Злость меня разобрала!

— Кульпаш, ты уж пей свой чай. Ох, убили меня наповал! — простонала Даметкен, опершись на обе руки. Осунувшееся лицо подёрнулось синью, под глазами появились мешки. — Топчите, люди, злорадствуйте!

После такой мрачной вести два узника печали потеряли остатки покоя. Как быть, если и впрямь возьмутся за обыск? Так и найдут приёмник с этими двумя кулачками-штучками, а найдут — обзовут: шпион... Жуть-то какая...

Разворожили весь дом. Осмотрели все закутки и щели во дворе и пристройках. Ничего. А ведь перед самой уж отправкой в армию сын сидел, соединял меж собой изящные, как волос, проводки. Куда мог девать?

— Посмотрим в старом сундуке, оставшемся от матери, — сказал Дюсен, собирая в кулак последнее терпение. — Я заметил, что он открывал дверь чулана. Больше искать негде.

И без того отец был худобой. Теперь и крючок, что называется, зацепить не за что. Усы, приставленные сторожить горбатый нос и забывшие про ножницы, росли в свободном порядке. Как-то всё не к лицу.

Ключ от забытого сундука Даметкен, сбившись с ног, наконец нашла в коровьем сусеке. Старый чулан находился в малохоженном углу двора. В нём скопилось негодная рухлядь и домашние пожитки. Заглядывали в него раз в год, а то и того реже. Открывать пошли нехотя.

Окно с выбитым глазком казалось устрашающим. Будто внутри кто-то наблюдал за ними. Скрепя сердце открыли дверь. Среди вороха хлама раскопали и старинный сундук — заветную вещицу Дюсеновой матери. Не успели вставить кованый ключ в замочную скважину, как старинный сундук дзинькнул и залился переливчатым звоном. Запуганный Дюсен, позабывший о красивом звуке сундука, который не открывал столько лет, вскрикнул от неожиданности:

— Ох, подошли! Схватят!..

— Фу ты, ненормальный! — одёрнула Даметкен.

...Суд не заставил себя ждать. Поутру из района одной ударной бригадой прибыли сотрудники правоохранительных органов и два-три гражданских чиновника с мягкой походкой иноходца. Некто, подтянутый и впрямь словно вымуштрованный конь, время от времени, беспокойно, одними глазами протрёсывал и внутренне «подытоживал» народ, столпившийся в просторном зале. Супругов Дюсена и Даметкен, кой-как стоявших опершись друг о друга, посадили вместе на первый ряд.

— Алдан Айымбетович, а вы здесь откуда оказались? — обратился «подтянутый» к аксакалу с понурым лицом и глазами, источающими свет милосердия.

— Прямиком из Алматы.

— Понятно... Выпускали бы лучше свою газету.

Натерпевшийся, — под прицелом сильных мира сего, — за утерянную правду о народе мужественный старик только улыбнулся, не тротя слов попусту.

После того как шум и возня поутихли, появились и разместились на почётных местах судья и прокурор. Под конвоем двух полицейских завели и Асылбека. Зал снова всполошился и зашумел.

— Граждане, успокойтесь! — сказал судья, апатично поднимаясь с места. — В данный момент разбирается следующее дело. Подсудимый, который стоит перед вами, уклонился от исполнения своего долга перед Родиной. Отказался принимать присягу, то есть дать клятву. Подобный поступок чужд сознательной молодёжи нашего государства. Кроме того, за ним водятся и другие грешки. Мы должны обрубить топором корни подобного поведения, чтобы они не ушли вглубь. Пусть это станет уроком тем, кто сегодня присутствует на суде. Вступительное слово предоставляется...

Поднявшийся на трибуну «подтянутый», точно вымуштрованный конь, прокашлявшись, начал с места в карьер:

— Асылбек Айдарбаев, будучи в стенах школы, попал под влияние деструктивного течения. Фактов тому у нас предостаточно. Являясь членом кружка радиолюбителей, он распространил в эфире следующую информацию: «SOS! Всем здравомыслящим людям! Нельзя продавать народное достояние встречным и поперечным. Остановите их!» Такое, с позволения сказать, воззвание — по малому счёту — хулиганство, по-большому — преступление. Существует статья на этот счет.

— Молодой ещё, жалко пацана!

— Может, и правду сказал!

Судья, стуча деревянным молотком по столу, успокоил публику и спросил:

— Гражданин подсудимый, вы признаёте, что отпавляли SOS? — вонзился глазами в Асылбека, стоявшего в углу между двумя полицейскими.

— Признаю, — сказал среднего роста, задумчивый парнишка. — Под предлогом вчерашней приватизации добрели аж до библиотек. Это же путь к невежеству!

— Это не твоего ума дело!

Осадив подсудимого, судья продолжал:

— Подобные выходки порождают недовольство и среди аулчан, которые здесь присутствуют. Кто хочет высказаться по данному поводу? — сказал он, то закатывая, то выкатывая глаза с просяными ядрышками зрачков.

— Позвольте я скажу, — послышался визгливый голосок, заставивший зал обернуться. Молодой человек, учившийся с Асылбеком все одиннадцать лет в одном классе, вытянул перед залом тонкую шею: — В школе он участвовал в движении «Молодая нива» и тогда ещё отказался от разоблачения коррупционеров.

— Я не хотел быть Павликом Морозовым. Надо идти другим путём, — парировал Асылбек, блеснув глазами и подаваясь немного вперед.

— Это же оппозиционер чистой воды. Даже дальше пошёл. Обратите внимание: он почти повторил слова дедушки Ленина, — вякнул кто-то сбоку.

— Вахаббит, наверно!

— Да, сегодня даже старики боятся отращивать бороду.

— И старухи длиннополые свои балахоны попрятали в сундуки.

— Эх, да коррупция — она тот же шестиглавый дракон, спрятанный за дубовой дверью с золотыми запорами! Разве под силу противостоять ей неокрепшим юным сердцам? — воскликнул возмущённый до глубины души Алдан-аксакал.

— Пойдите! Вам слова не давали!

...То был Год собаки, Дюсен, не подрассчитав силёнок, тоже хотел стать Павликом Морозовым. Увы, он один мечтал быть похожим на пионера-героя...

В противном случае, какой смысл не смыкая глаз следить за родным отцом? Следил! Выйдя со двора спозаранку, отец замешкался. И в сыне зародилось подозрение. Не ровён час сено колхозное ворует?! Иначе зачем прихватил верёвку? Неспроста! Надо бы проследить. Не так ли наказывал нам комсомольский вожак?

Через какое-то время послышался шорох шагов. Выглянув из засады, увидел отца. Тот вёл на поводу барана. Сомнения враз рассеялись. Пулей выскочив из укрытия, сын закричал что есть мочи: «Зачем воруете колхозную скотину? Я завтра всем расскажу! Разоблачу!..» От неожиданности отец, вздрог-

нув, попятился и чуть не упал. Баран вырвался и убежал.

— Ай, гадёныш ты эдакий! Ты, что ли? Я думал, оборотень какой! — заорал отец и тут же его отлупил, гоняя вокруг дома и пересчитывая закутки. Выяснилось, что барана он взял под залог у соседа, чтобы совершить обряд жертвоприношения. Эх, эти чертовы перегибы, кого только они не погубили!..

— Ну-ка, кто ещё желает сказать? Вот старожилы сидят... Матушка, поделитесь-ка вы своим мнением, — сказал судья, притворно улыбаясь в сторону почтенной старушки в казахском платке, расположившейся в первом ряду.

— Голубчик, старик мой в прошлом году ушёл в мир иной. Слава Создателю, дети присматривают. Нужды ни в чём не знаю. Старшая невестка больно строптива была. Младшая — хорошенькая, бабусей называет. В последнее время плохо стала слышать. Позапрошлый день в соседний аул ездила к знахарю. Состарился уж, дует в ухо слабо. Не то прежде... — толковала почтенная.

В этот момент в зале проскандировали: «Они все — падшие!..»

— Времена, что ль? — встрепенулась опять старушка, выставляя из-под платка правое ухо.

Чувствуя, что площадка суда, призванная быть назидательной для иных площадей, начинает выходить из-под контроля, судья взял бразды в свои руки.

— Подсудимый Айдарбаев, — громко выкрикнул он. Стоило ему повесить голос, как мелкие, с просяное зёрнышко, ядрышки зрачков его куда-то пропали. — Говори только правду! Почему ты в ультимативной форме отказался принимать присягу родине?

— Это не моя родина!

— Даже не встанешь на защиту её рубежей? — возмутился прокурор.

— Нет!

— Назови причину?

— Пусть олигархи сами защищают свою частную собственность: земельные угодья, дворцы и торговые центры... У меня с этим ничего общего нет..

— Ты — провокатор, предатель! По тебе тюрьма скучает!

— Нам как воздух нужны честные люди, страдающие за народ. За ними наше будущее... Молодая порось... Вините себя, что не пригрели и не обласкали её в своё время. Отсюда и вырастает отчуждённое поколение. Легко говорить: посадим! Мало ли нам уничтоженных поколений и погубленных сынов народа? Горе вам, блюстители порядка... — сказал немало испытавший на веку аксакал Алдан. И в глазах его сверкнули слёзы.

— Копытце моё единственное, что же ты делаешь, опомнись! — еле слышно повторял Дюсен, вздрагивая плечами. И гордый нос его стал невидим, окончательно зарывшись в усах. — Сын мой — не предатель! Предатели вы сами! Всё предали и продали! Ничего для вас святого! — неистово кричала Да-

меткен. Потом осунувшееся лицо её подёрнулось синью, и женщина потеряла сознание.

Ну, а времена эти разве услышат крики несчастной женщины?

P.S. О мере наказания парня, пожалуй, я расскажу в другой раз.